

Александр Левитов

«Крым»

Александр Иванович Левитов

«Крым»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=657415

Сочинения: Худож. лит.; М.: 1977

Аннотация

«Угрюмый осенний вечер мрачно смотрел в одинокое окно моей мрачной берлоги. Я не зажигал мою рублевую экономическую лампу, потому что в темноте гораздо удобнее проклинать свою темную жизнь или бессильно мириться с ее роковыми, убивающими благами... И без тусклого света этой лампы я слишком ясно видел, что что умерло, то не воскреснет...»

Содержание

I	4
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Александр Иванович Левитов «Крым»^{1 2}

I

Угрюмый осенний вечер мрачно смотрел в одинокое окно моей мрачной берлоги. Я не зажигал мою рублевую экономическую лампу, потому что в темноте гораздо удобнее проклипать свою темную жизнь или бессильно мириться с ее роковыми, убивающими благами... И без тусклого света этой лампы я слишком ясно видел, что что умерло, то не воскреснет. Все эти пошлые и, когда находишься в редком припадке здравомыслия, комические жизненные комбинации, омертвившие меня, как бы при самом светлом сиянии солнца воочию проходили передо мной в тот вечер и несказанно бесили меня.

Но пусть не смущаются лица ваши! Вы, может быть, предположите, что я сейчас пушусь в подробные рассказы о грустных думах моих, или же вам покажется, что я хочу несчастья мои, так сказать, перелить в ваши чувствительные души и тем хоть несколько облегчить их сокрушающую тяжесть. Ничего не бывало! При всем том, что я только Jean de

Sizoy, у меня всегда найдется настолько такта, чтобы не становить вас в положение человека, которому насильно навязывают многотомную повесть о сокрушившем рассказчика горе. Такое положение, при всей его видимой приложимости к нашему заведенному обществу, до крайности исполнено комизма. Я постараюсь нарисовать вам его, насколько перо мое окажется способным к этой рисовке.

Перед вами ваш бедный, несчастный друг. Сначала вы даже обрадовались ему; только, беседуя с вами, ваш друг все больше и больше начинает впадать в меланхолический тон, так что в вашем мозге пробегает наконец желание, чтоб он поскорее окончил свою исповедь.

– Так-то вот в жизни моей все располагало меня сделаться таким, каким ты меня видишь теперь! – дрожащим от волнения голосом говорит вам страдалец.

Может быть, он и в самом деле имеет основание говорить таким образом, но вы, не желая дать ему заметить, что такая история вам давно уже известна и давно уже наскучила, дураковато таращите на него глаза, тщетно стараясь выказать в них ожидаемое сочувствие, и думаете: «Боже мой! Что это за сентиментальный шут на меня навязался!»

Жалобы и глухота к этим жалобам, по моему мнению, – постоянная и неизлечимая болезнь человеческого рода. От века, верую, никто из людей не находил таких фраз, которыми бы он так удачно мог передать своему другу про свое несчастье, чтобы тот понял его как следует; точно так же ве-

рую и в то, что и я не найду их, да, пожалуй, если б и нашел, если бы вы даже поняли их и заплакали над моей горемычною долей, о которой я думал, не зажигая своей лампы, мне, собственно, невозможно было бы поверить искренности людских слез, потому что в моей жизни я очень много видел слез по чужим заботам и весьма мало дела, которое бы хоть несколько облегчило эти заботы.

Вам, не спору, может быть, не стоит ни малейшего труда рассказать во мне такой нечеловеческий скептицизм по отношению к обоюдному сочувствию существ, созданных быть братьями; но поверьте же и вы мне, когда я скажу вам, что прозвище мое «Иван Сизой» я имею намерение в самом скором времени заменить псевдонимом «Иван Сивый», потому что то постоянное самое каменное равнодушие, то самое звериное непонимание, с которыми люди, от каких я имел право ожидать совершенно обратного, встречали и мои для них жертвы, и мои на них надежды, — сделали из меня, понастоящему, еще бы здорового, свежего малого, какого-то ни к чему не годного сивого мерина, разбитого на все четыре ноги.

Для всех вас вообще, конечно, нет большой беды, если какой-нибудь Иван Сизой, вследствие различных соображений, переменяет свою фамилию; но могу вас уверить, что, в частности лично для Ивана Сизого, нет больше беды, как тогда, когда он думает о том, куда именно разлетелись его силы, весьма необходимые ему в настоящем случае для того,

собственно, чтобы не дать себя обуть в лапти тогда, когда на его ногах еще не совсем развалились кожаные сапоги. Не доказываю справедливости моей мысли на том основании, что для этого мне неизбежно пришлось бы удариться в лирический тон, с которым я дал себе слово распроститься навек, ибо лиризм – враг мой. Выходит всегда как-то так, что он уменьшает цену печатного листа...

По этому случаю идиллия моя да начнется таким образом: от ненастного, осеннего вечера и от безобразных мыслей, которые тискались в голове моей этим вечером, я ощутил какую-то кислоту во рту и до смерти томившую сердце боль. А когда я нахожусь в таком состоянии, мне обыкновенно начинает хотеться чего-нибудь такого острого, чтобы обожгло горло и грудь и, отуманивши голову, вместе с тем, как говорится, отшибло бы память. Аппетит на эти вещи, говоря в скобках, свойствен более плебеям, нежели аристократам, хотя и последние, по части удовлетворения сказанного аппетита, «тоже тово»... Выражаясь определеннее, я откровенно сознаюсь в том, что, когда представления о выпавшей мне «красной» доле уже слишком загомосятся в моей голове, я обыкновенно отправляюсь купать мое горе в волнах того моря, которое погубило у нас столько же печалей, сколько и радостей...

Мир вам, погибшие жизни! *Да не в суд и не в осуждение* вам, а в знак моей искренней печали о ваших судьбах бесталанных скажется слово мое о той широкой дороге, которую

по следам вашим зашагал я ко цареву кабаку.

* * *

Всепоглощающею пропастью зияли длинные улицы, где шел я. Тускло освещенные ночными фонарями, они казались какими-то неведомыми областями, где безвозвратно должно затеряться и погибнуть всякое живое существо. Так были мрачны и угрюмы лица этих каменных столичных громад, с такой пугающею силой выглядывали они из ночного мрака, что все существо ваше проникалось каким-то безотчетным томлением при виде этой силы, тем более что если бы вы глаза ваши, утомленные этой мучительною картиной, захотели развеселить блеском звезд ночного неба, на вас бы глянули оттуда серые, неопределенные массы, которые напугали бы вас более, нежели напугали бездушные здания. Волнуясь, как что-то живое, в необозримом воздушном пространстве, массы эти, казалось, быстрою мыслью летят на вас с дальнего неба – и давят и давят...

Мне очень трудно теперь, больному, передать мои дальнейшие дорожные ощущения. Я совершенно забыл тот момент, когда сознание покинуло меня. Вот, например, эту фразу говорил уже не я, а какая-то дикая машина, ударявшая кулаком по столу, уставленному графинами и рюмками:

– В прощении? Я, вы говорите, нуждаюсь в прощении моего общества, потому что безобразно якобы трачу свои за-

работанные деньги?

Передо мной сидел в это время юный еще господин, весь, впрочем, заросший бородой и бакенбардами. Мне и в голову не входило постараться определить себе, где и как я с ним встретился. В комнате носился удушливый чад; в чаду роились какие-то лица; где-то, весьма издалека, для моих ушей, по крайней мере, гремела музыка. Десятки тусклых свеч слепили глаза; общий шум разламывал голову.

– Чашу сию обойти весьма можно! – орала моя дикая машина в поучение господина, очутившегося со мной за одним столом. – Мне не нужно прощенья от общества, которое вынашивает в своей среде людей, способных так пошло, как вы и я, например, пьянствовать на заработанные деньги.

– Но ежели вы не будете искать в обществе снисхождения к вашим недостаткам, ежели вы намеренно не будете воздерживать себя от оскорбления общества вашим поведением, оно непременно выгонит вас! – в свою очередь, поучал меня мой юный приятель.

– А вы думаете, – гремел я, – человек, понимающий, что он сосредоточил на себе справедливое презрение своего общества, сделается от этого изгнания несчастнее того, чем он есть? Не сделается! Тем более он не сделается несчастнее, когда будет иметь хоть какие-нибудь данные заподозрить справедливость этого презрения. А коль скоро вы имеете хоть маленькое понятие о том, как на наших базарах дешевы эти данные, вы сейчас же неминуемо согласитесь с тем,

что вашу фразу об изгнании из общества можно перевернуть таким образом: я сам изгоню от себя общество, которое намеревается изгнать меня, потому что не кто другой, как только одни впечатления, навеянные на меня картинами этого общества, доставили мне честь пьянствовать с вами в этом бездонном омуте. Я очень хорошо понимаю, что лично от себя говорить такие вещи – пошлость; но разве это даст вам возможность не согласиться со мной, что ни одна из разлучающихся сторон не прольет друг по другу слез сожаления?

– Ваше высокоблагородие, соблаговолите до шкальчика доложить отставному служивому, – вмешалась в нашу беседу пьяная, оборванная личность. – Потому как, – продолжала личность, – собственно для-ради ненасытной погоды старые кости желательно разогреть.

– Скажи мне, – спросил я старика, – ты изгнал от себя общество или оно изгнало тебя?

– Точно что, ваше высокоблагородие, «общество» выгнало меня – отставного солдата – из села, аки бы за пьянство и кражу; но мы эфтому – глаза лопни! – причинны никогда не бывали.

– Почему же ты сам не выгоняешь его от себя? Служба ответил на этот вопрос тупым и бессмысленным взглядом.

– Да! – с громким хохотом переспросил его юный господин. – В самом деле, отчего ты сам не выгонишь его от себя?

– Позвольте папиросочкой затянуться, – с поощряющей к дальнейшим шуткам улыбкой разрешил старичина нашу

спорную тему. — Стаканчик прикажете вам налить, ваше высокоблагородие? — мгновенно впадая в роль верного слуги и доброго собеседника, осведомился затем старик.

— Однако же отделаться бы от него как-нибудь! — заговорил по-французски мой юный друг, коверкаясь и даже как будто изнемогая при виде стариковской фамильярности.

— А вы, должно быть, одни хотите изобразить собой презирающее и изгоняющее общество! Вам жаль водки этому солдату!.. В таком случае я один заплачу за него, чем вы и я фактически докажем друг другу справедливость наших убеждений.

— Помилуйте! — сконфуженно произнес волосатый юноша. Я посмотрел на него с улыбкой победителя.

II

Теперь мне надо доложить вам, каким образом я дошел до пошлости спорить с первым встречным, бог знает о чем, в грязнейшем трактире. Быть может, вам подумается, что такая материя не займет вас. Уверяю, что займет, и даже очень.

Сказано уже: куда, по какому случаю и за чем именно пошел я. Так вот, иду я, а на дворе осенняя ночь, — знаете, такая ночь, которая делается в несказанное количество раз приятнее и усладительнее, когда ее частый и мелкий, как из сита сеющийся дождь падает не на циммермановскую шляпу и не на бобер рубликов эдак в полтора с чем-нибудь, а просто на клеенчатую фуражку, оставшуюся, так сказать, от летнего сезона, — когда этот дождь хлещет вас прямо по разгоревшемуся лицу, холодными струйками закатывается за воротник вигонего мешка, приобретенного за четыре рубля у парикмахера Борисова, который, как энергично свидетельствуют «Полицейские ведомости», живет на Лубянке в доме духовной консистории.

Не могу не сказать здесь в скобках, как приятно иметь дело с сим чародеем, могущим снабжать смертных пальто за четыре рубля; потому что купленная у него покрывка главным образом и располагает к надлежащей оценке прелестей осенних ночей. Покрывка эта имеет почему-то способность делаться еще более жалкою в такую пору. Она, говорю из

собственного опыта, будит уснувшую злость, располагает к подлым и омерзительным помыслам о том, как бы купить сапоги не на толкучке, а у мосье Пироне, приобрести пальто не из мастерской Борисова в доме духовной консистории, а от Боргеза или Айэ, – и главное: зазывает в голову грызущую мысль о том, почему еще не сделано тобою ничего такого, что бы стоило дороже того оборванного тряпья, которое в настоящее мгновение почти уже готово сползти с невыносливых плеч...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.